

Община Св. Великомученицы Екатерины ЕКАТЕРИНИНСКИЙ ЛИСТОК № 1-2009 (33)

Митр. Сурожский Антоний о посте.

Я хочу поднять вопрос о посте.

В Ветхом Завете предполагалось, что поститься надо раз в неделю. Фарисеи же и книжники, от избытка благочестия, постились целый ряд дней и этим (считали они) заслуживали благоволение Божие. Не так ли, мы видим, многие сейчас постятся?

Люди, которые живут, может быть, не так уж замечательно нравственно, у которых сердца не такие уж чистые, нравственность которых сомнительна, исполняют все, что как будто повелевает

им Церковь. И постятся они, забывая, что телесный пост не прибавляет ничего к человеческой духовности, если намерение не исходит именно из духовности.

Апостол Павел говорит: пища не приближает нас к Богу (1 Кор 8:8); и еще: Кто ест, не уничижай того, кто не ест; и кто не ест, не осуждай того, кто ест... Кто ест, для Господа ест, ибо благодарит Бога; и кто не ест, для Господа не ест и благодарит Бога... (см. Рим 14:3 и след.).

Речь не идет о том, чтобы поститься физически только (я настаиваю на слове "только", потому что не хочу сказать, что церковно установленные посты не имеют смысла), но к посту должно прибавиться иное измерение: духовное. Мы должны поститься, не мучая наше тело, а оживляя нашу душу.

Уже в древности, в пророчестве Исаяи есть место, где пророк описывает, какой пост угоден Богу. Я приведу это место, хотя оно продолжительное:

Вот, в день поста вашего вы исполняете волю вашу и требуете тяжких трудов от других.

Вот, вы поститесь для ссор и распрей и для того, чтобы дерзкою рукою бить других; вы не поститесь в это время так, чтобы голос ваш был услышан на высоте.

Таков ли тот пост, который Я избрал, – день, в который томит человек душу свою, когда гнет голову свою, как тростник, и подстилает под себя рубище и пепел?

Это ли назовешь постом и днем, угодным Господу?

Вот пост, который Я избрал: разреши оковы неправды, развяжи узы ярма, и угнетенных отпусти на свободу, и расторгни всякое ярмо;

Раздели с голодным хлеб твой, и скитающихся бедных введи в дом; когда увидишь нагого, – одень его, и от единокровного твоего не укрывайся.

Тогда откроется, как заря, свет твой, и исцеление твое скоро возрастет, и правда твоя пойдет пред тобою, и слава Господня будет сопровождать тебя.

Тогда ты воззовешь – и Господь услышит, возопиешь – и Он скажет: «Вот Я!».

Когда ты удалишь из среды твоей ярмо, перестанешь поднимать перст и говорить оскорбительное,

И отдашь голодному душу твою, и напитаешь душу страдальца – тогда свет твой взойдет во тьме, и мрак твой будет как полдень;

И будет Господь Вождем твоим всегда, и во время засухи будет насыщать душу твою и утучнять кости твои, и ты будешь, как напоенный водою сад и как источник, которого воды никогда не иссякают;

И застроятся потомками твоими пустыни вековые – ты восстановишь основания многих поколений, и будут называть тебя восстановителем развалин, возобновителем путей для населения. (Ис 58:3-12).

Вот о каком посте говорит Господь через Своего пророка, вот о чем говорит Церковь, когда призывает поститься, а не о том формальном посте, который держали фарисеи и который мы так часто фарисейски сами держим. *Фрагмент из книги "Начало Евангелия Иисуса Христа Сына Божия".*

Свт. Иоанн Златоуст о великом посте.

Радуюсь и веселюсь, видя ныне, что Церковь Божия красуется множеством своих чад и все вы стеклись с великою радостью.

Когда смотрю на светлые лица ваши, то нахожу в них яснейшее доказательство вашего душевного веселия, как и премудрый сказал: веселое сердце делает лице веселым (Притч. 15:13). Поэтому - и я встал сегодня с большим рвением, имея в виду и участвовать с вами в этой духовной радости и вместе с тем желая быть для вас провозвестником наступления святой сорокадневницы, как врачества душ наших. А общий всех нас Господь, как чадолюбивый отец, желая очистить вас от грехов, сделанных нами в какое бы то ни было время, и даровал нам врачество в святом посте.

Итак, никто не скорби, никто не являйся печальным, но ликуй, радуйся и прославляй Попечителя душ наших, открывшего нам этот прекрасный путь, и с великим весельем принимай его наступление!

Да постыдятся эллины, да посрамятся иудеи, видя, с какою радостною готовностью мы приветствуем его наступление, и да познают самым делом, какое различие между нами и ими. Пусть они называют праздниками и торжествами пьянство, всякого рода необузданность и безстыдства, которые обыкновенно при этом они производят. Церковь же Божия - вопреки им - да называет праздником пост, презрение (удовольствий) чрева, и следующие затем всякого рода добродетели.

И это есть истинный праздник, где спасение душ, где мир и согласие, откуда изгнана всякая житейская пышность, где нет ни крика, ни шума, ни беганья поваров, ни заклания животных, но вместо всего этого господствует совершенное спокойствие, тишина, любовь, радость, мир, кротость и безчисленные блага...

Фрагмент увещательного слова при наступлении Святой Четыредесятницы.

К 100-летию со дня кончины Иоанна Кронштадского

ЦЕРКОВЬ В ИСТОРИИ

Поминайте наставников ваших, которые проповедывали вам слово Божие, и, взирая на кончину их жизни, подражайте вере их. Евр. 13:7.

XX век

ИОАНН КРОНШТАДСКИЙ (+ 1909)

«Везде меня прославило Твое имя, Господи: и у трона царей, и у всех важных и сильных мира сего, и у богатых и небогатых... влечет всех ко мне, убогому, благодать Твоя, во мне живущая и пребывающая, чрез частое причащение Святых Таин Твоих!..»

ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Иоанн Кронштадский родился в 1829-м году в православной России, где Церковь уже несколько веков была фактически подчинена государству. Этот тесный и все более неравноправный союз приводил к смешению «Божьего» и «кесарева», связывал Церковь несвойственными ей задачами и обмирщал ее.

Для многих жителей Российской империи христианство не было личным выбором и результатом встречи с Богом, вера, как бы парадоксально это не звучало, была для большинства необходимостью и долгом, частью национальной культуры и знаком лояльности по отношению к государству, чьим «подразделением» и была Русская Церковь. В этих казенных условиях само христианское благочестие становилось обыденной гражданской обязанностью, лишалось своей жизненной силы и вдохновения.

Именно в это теплохладное и невдохновенное время, в одном из сел Архангельской губернии родился слабый, болезненный мальчик, которому суждено было стать горячим и вдохновенным исполнителем евангельского призыва.

ПРЕДПОСЫЛКИ ПРИЗВАНИЯ

Ваня Сергиев, подобно многим своим современникам получал начальное образование в церковно-приходском училище, переехав для этого в Архангельск, но врожденная слабость не позволяла ему в этом преуспеть, - он был отстающим учеником. В зрелые годы о. Иоанн признается, что положиться в своих бедах ему было не на кого, и однажды ночью, когда Ваня напряженно просил помощи у Бога, в его самочувствии произошла перемена, - «будто раскрылся ум в голове, и мне ясно представился учитель того дня, его урок, и я вспомнил, о чем и что он говорил».

Вскоре Ваня стал лучшим учеником и одним из первых был переведен в семинарию, где ему было суждено пройти новую череду испытаний. В семинарии будущий о. Иоанн стал старшим в архиерейском хоре, и общение с этой «самой распущенной и пьяной частью бурсы, - по словам биографа отца Иоанна, - чуть не сгубило его самого»... И все же он первым закончил учебу и был принят «на казенный кошт» в Санкт-Петербургскую духовную академию.

ПРИЗВАНИЕ И СЛУЖЕНИЕ

Именно в академии Иван Сергиев почувствовал призвание к миссионерству. Известно, что он очень интересовался миссионерами, которые пошли со словом Евангелия в Китай, Японию и Америку, посещал миссионерский кружок, часто говорил об этом служении с сокурсниками. Возможно Китай и стал бы православной страной, если бы о. Иоанн совершил там все то, что ему удалось совершить в России, но ему предстоял другой путь, - обращать ко Христу и пасти, номинально православный, но зачастую непросвещенный верой русский народ.

После женитьбы на дочери почившего настоятеля Андреевского собора в Кронштадте, кандидат богословия Иоанн Ильич Сергиев унаследовал приход своего тестя, в котором и прослужил до конца своей жизни.

Ища Божественных указаний к своему служению, о. Иоанн прочитывает всю Библию, делая многочисленные пометки на полях. Возможно, уже тогда стали вырисовываться приоритеты уникального в своем роде служения будущего всероссийского пастыря.

ПАСТЫРЬ, МИССИОНЕР, БЛАГОТВОРИТЕЛЬ

Кронштадт того времени был не только пригородом Петербурга, военно-морской крепостью и районом, где селились бедные петроградские рабочие, он был также и местом административной ссылки нищих и бродяг, которые расселялись во многочисленных землянках и лачугах, и этот социально-экономический фактор делал проблемы отчаяния, нищеты, пьянства и воровства пастырскими задачами молодого о. Иоанна.

Ревностный, молодой священник, видимо, интуитивно почувствовал неэффективность одних лишь обличений с амвона. Он избрал самый простой, но в то же время самый сложный путь, - свидетельство своим примером. Он ежедневно посещал дома обездоленных и опустившихся кронштадцев, нередко принося с собой помощь, христианское вдохновение и надежду, возвращая тем самым пастырству его, все чаще забытое миссионерское измерение.

Вот свидетельство об одном из таких посещений: «Мне было тогда годов 22-23. Теперь я старик, а помню хорошо, как видел в первый раз батюшку. У меня была семья, двое детишек. Я работал и пьянствовал. Семья голодала. Жена потихоньку по миру собирала. Жили в дрянной конурке. Прихожу раз не очень пьяный. Вижу, какой-то молодой батюшка сидит, на руках сынишку держит и что-то ему говорит ласково. Ребенок серьезно слушает. Мне все кажется, батюшка был, как Христос на картинке «Благословение детей». Я было ругаться хотел: вот, мол, шалютя... да глаза батюшки ласковые и серьезные меня остановили: стыдно стало... Опустил я глаза, а он смотрит - прямо в душу смотрит. Начал говорить. Не смею передать все, что он говорил. Говорил про то, что у меня в каморке рай, потому что где дети, там всегда и тепло и хорошо, и о том, что не нужно этот рай менять на чад кабацкий. Не винил он меня, нет, все оправдывал, только мне было не до оправдания. Ушел он, я сижу и молчу... Не плачу, хотя на душе так, как перед слезами. Жена смотрит... И вот с тех пор я человеком стал...»

Решимость, с которой о. Иоанн принялся за свое служение, порой приобретала курьезные формы. Так, например, епархиальное начальство некоторое время запрещало отдавать о. Иоанну на руки его жалование, поскольку он часто не доносил его до дома, раздавая нуждающимся, а порой вообще возвращался в дом без верхней одежды и сапог.

Обращенность о. Иоанна к бедам и нуждам «маленького человека», и привела к тому, что первым его таланты увидел и распознал простой народ.

ДУХОВНАЯ ПИЩА

Пищу для своей жизни во Христе и своего служения о. Иоанн черпал в том, что было, так сказать, «под рукой» у каждого православного человека в России, - он сделал правилом для себя ежедневное чтение Священного Писания и частое (позднее ежедневное) причащение. Этому правилу он решительно следовал в последствии, не смотря на всё возрастающую загруженность и утомление.

«Особенно я люблю читать Священное Писание обоих Заветов, - говорил о. Иоанн в конце жизни, на собрании духовенства одного провинциального городка, - я не могу жить без этого чтения. Сколько тут содержания. Сколько открыто законов жизни души человеческой! Сколько человек, стремящийся к духовному обновлению, может почерпнуть здесь указаний для того, чтобы переродиться (...). Особенно Святое Писание необходимо проповеднику. Здесь неисчерпаемая тема для проповедей: только сумей сам назидаться и других назидать»

Когда еще не было русского перевода Библии, о. Иоанн сокрушался о миллионах людей, лишенных этого богатства, ведь церковнославянский язык уже много веков был мертвым и большинству непонятным. Когда же наконец появился Синодальный перевод, святой всеми силами настаивал на открывшейся каждому возможности читать Писание.

Следует заметить, что в синодальную эпоху, когда интеллигенция, захваченная нигилизмом и материализмом, фактически сердцем «покинула Церковь», и участвовала в богослужении скорее механически, проповедь за Литургией в православных храмах была редкостью и исключением. Это не могло не огорчать горящего миссионерским духом о. Иоанна. В своем дневнике он писал: «Дьявол поражает сердца священников леностью, сухостью и бесплодием, чтобы они не проповедовали истин Евангелия людям Божиим, не сказывали им всей воли Божией...».

Не менее разительно отличалась от современников и евхаристическая практика о. Иоанна. В то время как рядовые православные в России все чаще удовлетворялись причащением один раз в год, о. Иоанн стремился причащаться как можно чаще, и со временем пришел к ежедневному служению Литургии. Но важно заметить, что столь напряженная евхаристическая жизнь святого не означала простого механического увеличения частоты причащений, она непосредственно вытекала из его служения и была его необходимым условием.

Человек, предоставленный самому себе, лишенный служения, христианских задач и духовной ответственности, обычно, не ощущает потребности в Боге. Его вера, живущая лишь голодным пайком повседневности, медленно зарастает житейскими заботами. Но, если христианин оказывается в условиях, где веру нужно являть делами, не только мыслить себя христианином, но действительно быть им, то без Бога, без молитвы к Нему и причащения Ему в Евхаристии, уже никак не обойтись.

«Первые годы священства, - пишет кронштадский пастырь, - я не часто, не каждый день, совершал литургию и потому часто расслабевал духовно; потом, увидев пользу ежедневного совершения литургии и причащения святых таин, я стал ежедневно служить и причащаться».

На критику частого причащения, святой отзывался довольно строго: «Некоторые личности говорят, что будто бы грешно мирянам причащаться часто, что молодым людям будто бы только нужно причащаться раз в год, а только старым - во все посты, что часто причащающиеся с ума сойдут. Какая нелепость! Какое богохульство, кощунство! Какое неразумие! А для чего раздается ежедневно за литургией глас Спасителя, призывающий к причащению: “Приимите, ядите... пиите от нея вси... во оставление грехов...”?» Очевидцы вспоминают, что во время богослужения он, буквально, «звал, требовал, чтобы все, все без изъятия, шли вкусить от Источника бессмертия».

ЧУДОТВОРЕЦ

Свидетельства о ревностном служении настоятеля Андреевского собора быстро распространились среди народа и его все чаще стали приглашать на частные требы по домам. На этом поприще и проявился новый талант о. Иоанна, который и снискал ему славу всероссийского пастыря.

Вот как об этой перемене пишет сам о. Иоанн: «Кто-то в Кронштадте заболел, просили моей молитвенной помощи. У меня и тогда уже была такая привычка: никому в просьбе не отказывать. Я стал молиться, предавая болящего в руки Божии, прося у Господа исполнения над болящим Его святой воли. Но неожиданно приходит ко мне одна старушка, которую я давно знал. Она была богобоязненная, глубоко верующая женщина, проведшая свою жизнь по-христиански и в страхе Божиим кончившая свое земное странствование. Приходит она ко мне и настойчиво требует от меня, чтобы я молился о болящем не иначе, как о его выздоровлении. Помню, тогда я почти испугался: как я могу - думал я - иметь такое дерзновение? Однако эта старушка твердо верила в силу моей молитвы и стояла на своем. Тогда я исповедал пред Господом свое ничтожество и свою греховность, увидел волю Божию во всем этом деле и стал просить для болящего исцеления. И Господь послал ему милость Свою - он выздоровел. Я же благодарил Господа за эту милость. В другой раз по моей молитве исцеление повторилось. Я тогда в этих двух случаях прямо уже усмотрел волю Божию, новое себе послушание от Бога - молиться за тех, кто будет этого просить».

ПРИЗНАНИЕ

Закономерным плодом всего описанного выше стало превращение Кронштадта в место стечения сначала десятков, затем сотен, а после и тысяч паломников. К концу XIX в. в Андреевском соборе в Литургии участвовало около семи тысяч человек, а причащение могло затянуться до 16-ти или даже 18-ти часов.

Когда слава о священнике-чудотворце прокатилась по всей России, о. Иоанн стал получать ежедневно до тысячи писем и телеграмм, преимущественно с просьбами помолиться об исцелении больных, признанных врачами безнадежными. Пастырь едва ли был способен прочесть и ответить на каждую такую просьбу. За Литургией он возлагал руку на стопку писем и телеграмм, молился о даровании просимого, и многие получали по вере своей...

По просьбам людей о. Иоанну неоднократно приходилось предпринимать поездки в разные города России, и эти поездки становились настоящим триумфом. Так во время проезда о. Иоанна по реке на пароходе, люди бежали по берегу, а другие его почитатели стояли дни и ночи лагерем около имения, где остановился святой. Харьковский собор во время служения о. Иоанна в 1890-м не мог вместить молящихся. Не только весь собор, но и площадь не вмещала людей, которые наполняли прилегающие улицы. В самом соборе хор был вынужден расположиться в алтаре. Позднее о. Иоанн совершал молебны на Соборной площади и собравшихся было более 60 000. Подобное происходило и в Самаре, Саратове, Казани, Нижнем Новгороде.

Все возрастающая слава и общественный авторитет сделали о. Иоанна желанным гостем не только в домах кронштадских пролетариев, но и в домах господ, вплоть до царских дворцов.

Так в 1894-м году о. Иоанн прибыл в Ливадию, где находился больной Александр III. Император приветствовал гостя словами, - «я не смел пригласить вас сам, благодарю, что вы прибыли, прошу молиться за меня, я очень недомогаю». После короткого облегчения, состояние царя все же ухудшилось и, умирая, он просил о. Иоанна не снимать своих рук с его головы. «Когда вы держите руки свои на моей голове, я чувствую

большое облегчение, а когда отнимаете, страдаю - не отнимайте их». Святой так и продолжал держать свои руки на голове умирающего до его смерти.

ОПАСЕНИЯ ЦЕРКОВНЫХ КРУГОВ

При всем своем признании и огромном авторитете, выражавшемся среди прочего во многочисленных церковных и государственных наградах, дерзания и образ жизни о. Иоанна закономерно подвергались разносторонней критике. Кто-то соблазнялся «иоаннитами», - сектантской группой, представители которой считали о. Иоанна воплощением Христа. Они доставляли немало хлопот кронштадскому пастырю, порой кусая его до крови, чтобы получить хотя бы её каплю. Следует заметить, что сам о. Иоанн отлучил этих безумцев. Кого-то смущали дорогие облачения, принятые о. Иоанном в дар от почитателей, кого-то соблазняло присутствие светских дам в карете при его поездках. Но наиболее интересной является критика тех, кто ставил под сомнение успех самого призвания о. Иоанна.

Так, например, оберпрокурор Священного Синода Константин Победоносцев (госчиновник фактически управлявший Синодом), однажды встретившись с о. Иоанном, заметил: «Про вас говорят, что вы молебны служите, чудеса творите, смотрите, как бы вы плохо не кончили». В ответ прозвучало: «Не извольте беспокоиться, подождите и увидите, каков будет конец».

Собственно от Победоносцева было трудно ожидать чего-то другого. Одной из его задач, как «государевой руки», была фактическая «консервация» Церкви, подавление любых ее инициатив, подчинение государству, и потому любая живая мысль, живое движение у этого умного человека вызывали в лучшем случае опасение.

Внешне схожей была реакция и у Феофана Затворника, но вытекала она из совершенно других мотивов. Когда Иоанн Кронштадский стал приобретать все большую славу, святой Феофан в письме предупреждал его об опасностях избранного пути, протекавшего, так скажем, - не по монашеским канонам.

Такая реакция *затворника* на обращенного к миру *активиста*, и приводит нас к ключевому вопросу -

О ЗНАЧЕНИИ ИОАННА КРОНШТАДСКОГО ДЛЯ РУССКОЙ ЦЕРКВИ XIX-XX вв.

В глазах большинства православных, единственной альтернативой теплохладной государственной религиозности был монашеский путь. В этом суждении было много правды, т.к. монашество появилось на свет именно как реакция на угрозу обмирщения Церкви после ее союза с государством еще в IV в. Многие века монашество было той силой, что не дает христианству окончательно раствориться в мире. Оно сохранило христианский максимализм первых веков, свойственный раннему христианству императив святости. Но этот путь совершался ценой одной существенной потери, - путем отречения от мира.

Конечно мы можем вспомнить тех монахов, которые возвращались в мир для служения, но эти исключения только подтверждают правило. Для большинства было лишь два пути - либо жить «как все», либо монастырь.

Но решительно иначе проходит свой путь герой нашего повествования. Св. Иоанн с самого начала открыт миру в его человеческом измерении, миссионерство и благотворительность - ключевые акценты его служения, если не сказать более, - само содержание его христианской жизни.

Кроме того, вопреки настроениям того времени, когда многие ищущие духовной жизни, путешествовали по монастырям, ища наставления. Кронштадский чудотворец был в некотором роде «самородком», он не был учеником духоносных старцев или наследником древней монашеской традиции. Его духовная пища и сам образ его христианской жизни просты и доступны каждому - служение, без которого невозможен рост и умножение талантов, чтение Писания, молитва и Евхаристия.

Так, может, в том и состояло его призвание, чтобы явить способ достижения святости, живя в мире, на средствах и в условиях, доступных большинству? Чтобы никто не отмахнулся, говоря, - это не для меня.

Виктор Шлягин

Современники об Иоанне Кронштадском

Из воспоминаний о. Василия Шустина: Когда я был еще совсем юным, отец мой серьезно заболел горлом. Профессор Академии по горловым болезням Симановский определил, что у него горловая чахотка. Все горло покрылось язвами, и голос у отца совершенно пропал. Я помню, на Рождество, по случаю такой болезни отца, не делали нам и елки. В доме царил как бы траур, все говорили шепотом, царило уныние; нас, детей, не пускали к отцу. Только в первый день Рождества нас подвели к нему, и он, скорбно и молча, раздал нам подарки. Симановский заявил, что ему осталось жить дней десять, а если увезти, с большими предосторожностями, теперь же немедленно в Крым, то он, может быть, еще протянет месяца два.

В это время как раз вернулся в Кронштадт из одной своей поездки отец Иоанн. Послали ему телеграмму. Дней через пять он приехал к нам. Прошел к отцу в спальню, взглянул на него и сразу воскликнул: «Что же вы мне не сообщили, что он так серьезно болен?! Я бы привез Святые Дары и приобщил бы его». Мой отец умоляюще смотрел на батюшку и хрипел. Тогда батюшка углубился в себя и, обращаясь к отцу, спрашивает: «Веришь ли ты, что я силой Божией могу помочь тебе?» Отец сделал знак головой. Тогда отец Иоанн велел открыть ему рот и трижды крестообразно дунул. Потом, размахнувшись, ударил по маленькому столику, на котором стояли разные полоскания и прижигания. Столик опрокинулся, и все склянки разбились. «Брось все это, - резко сказал отец Иоанн, - больше ничего не нужно. Приезжай завтра ко мне в Кронштадт - и я тебя приобщу Святых Тайн. Слышишь, я буду ждать». И батюшка уехал. Вечером приехал Симановский, а вместе с ним доктор Окунев, тоже специалист по горловым болезням. Им сказали об отце Иоанне, и что завтра повезут моего отца в Кронштадт. Симановский сказал, что это безумие, что он умрет дорогой. (Нужно было из Ораниенбаума ехать на санях по морю, а была ветреная морозная погода.) Но отец верил батюшке, и на следующий день закутали его хорошенько и повезли в Кронштадт.

Батюшка приехал на квартиру, где остановился отец, и приобщил его Святых Тайн. Еще два дня прожил отец в Кронштадте, каждый день видаясь с батюшкой. Когда он вернулся домой, Симановский был поражен: в горле все раны оказались затянуты; только голос отца был еще слаб. Симановский во всеуслышание заявил: «Это невиданно, это прямо чудо!» - Так совершилось дивное исцеление моего отца по молитвам батюшки. Отец прожил после этого двадцать пять лет. (...) *Продолжение на сл. стр.*

На фото Андреевский собор в Кронштадте, в котором служил о. Иоанн.

